

ГАЛИНА ШОВКОПЛЯС

(Киев)

**МИФОЛОГЕМА БОЛЬШОГО СИНЕГО БЫКА КАК
СМЫСЛООБЪЕДИНЯЮЩИЙ ЭЛЕМЕНТ
В СТРУКТУРЕ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА РОМАНА ВЛАДИМИРА
ОРЛОВА „АЛЬТИСТ ДАНИЛОВ”.**

Abstract

The article deals with the interpretation of the novel "Violist Danilov" (1981) by the Russian writer Vladimir Orlov, which is the first part of the so-called Ostankino cycle.

The author takes into consideration the influence of Bulgakov's "Master and Margarita" on Orlov's novels. Particular attention has been paid to the myth of Big Blue Bull, which unites two parts of the novel's structure and two spatial dimensions of the literary text. In the "earthly" part the myth defines the chain of events materializing in the "running of the bulls" with the bull Miguel. The image connects an entire complex of themes, episodes and visualizations. Orlov uses the traditional images of the bull, creating an entirely new image in the novel, where it becomes a creature, a symbol and a character simultaneously, as well as having an additional political and historical subtext.

Key words: novel, influence of Bulgakov's novel "Master and Margarita", Myth of Big Blue Bull, two parts of the structure of the novel, symbol, political and historical subtext.

Роман Владимира Орлова „Альтист Данилов”(1981) открывает в творчестве писателя так называемый „Останкинский цикл”, куда, кроме „Альтиста”, входят романы Орлова „Аптекарь”(1988) и „Шеврикука, или Любовь к привидению”(1997). Во всех трех книгах действие происходит в московском районе Останкино. Отсюда и название цикла.

Общим для книг, составляющих цикл, является не только топос их художественного мира, но и особенности творческого метода Орлова. Дело в том, что „крепкий реалист” Орлов написал свою трилогию творческим методом иным, нежели тот, который был присущ всем его остальным произведениям. Сам Орлов относит „останкинскую трилогию” к произведениям фантазмагорическим, связывая ее с традицией Гофмана-Гоголя-Булгакова.

В романе „Альтист Данилов” Орлов развивает хорошо известную в мировой литературе тему „дьявольского” или „демонического” происхождения творческого дара. Писатель признается: „Думал, что это простая вещь – о судьбе писателя, музыканта, вообще художника. О его отношениях с самим собой, Богом, творчеством”¹.

Судьбу романа нельзя назвать счастливой: вскоре после публикации случилась горбачевская перестройка, общество политизировалось, стали востребованы книги иные, нежели „Альтист Данилов”, разоблачительные и острые. „Альтиста” прочитали, заметили и... забыли. Забыли настолько прочно, что прошлой весной Валерия Новодворская объявила Владимира Орлова и его роман „смытыми водами времени”: „Помните, был такой забытый доперестроечный роман „Альтист Данилов”? Давно воды времени смыли и автора, и шпильки, актуальные только в то время...”².

Впрочем, тихого и абсолютно непубличного Владимира Орлова времена не только забывали, но и наделяли выдуманной биографией, где упоминалось преследование КГБ, высылка из СССР, диссидентство, эмиграция и прочие атрибуты такого рода жизненного пути, который абсолютно не похож на подлинную жизнь писателя Орлова.

Роман „Альтист Данилов” так тесно связан со своим временем и со своим московским пространством, что хоть энциклопедию „застойных 70-х” годов по нему пиши. Все реалии советских 70-х – от булочек за три копейки до виниловых пластинок Булата Окуджавы – присутствуют в тексте. Такой детализированный портрет материальной культуры эпохи СССР.

Влияние творчества Булгакова на „останкинский триптих” Орлова есть факт, сомнению не подлежащий. Можно сказать, что появление „Альтиста Данилова” есть следствием публикации булгаковского „Мастера”. Сам Орлов такое влияние отрицал довольно вяло, оправдываясь тем, что во время написания „Альтиста” даже прятал булгаковский роман подальше.

Как и в „Мастере и Маргарите”, в романе Орлова поражает обилие цитат прямых и цитат скрытых, щедрые интертекстуальные связи с разными, но всегда популярными произведениями – от дантовской „Божественной комедии” до книг братьев Стругацких. „Феноменальная насыщенность произведений „чужим словом”, скрытыми и явными цитатами, перефразами, вариациями чужих мотивов и образов”³, что, по мнению киевского исследователя творчества Булгакова Мирона Петровского, характерно для „Мастера и Маргариты”; этим же свойством отмечен и роман Орлова. Тот же принцип гениального интерпретатора „чужого слова” и „общих мест” предшествовавшей литературы.

Вообще на волне увлечения „Мастером и Маргаритой” интеллигентная читающая публика произведение Орлова восприняла как органичное продолже-

¹ Светлана Руденко Владимир Орлов, *Руководствуйтесь вкусом и здравым смыслом. Молоко*.//moloko. ruspole.info./node./48.

² Валерия Новодворская, *Поэт на договоре*, 25.04.2012 – Медведь. Мужской журнал для чтения.//medved-magazine/ru.

³ Мирон Петровский, «Писатели из Киева»: Александр Куприн и Михаил Булгаков, в: Мирон Петровский, *ГОРОДУ и МИРУ. Киевские очерки*. Издание второе, переработанное и дополненное.- Киев: Издательский дом А+ С, Издательство «Дух и Литера», 2008, с. 421.

ние булгаковского романа: тот же мистицизм, отсутствие прямой дидактики, многозначительная недоговоренность и разительное отличие от произведений советской литературы периода 70-х годов. Кроме того, „Альтиста”, как и „Мастера”, с полным на то основанием можно назвать „московским романом”.

Сюжет „Альтиста Данилова”, где главный герой – музыкант и „демон на договоре”, лучше Валерии Ильиничны Новодворской всё равно не перескажешь: „Помните, был такой забытый доперестроечный роман „Альтист Данилов”? Давно воды времени смыли и автора, и шпильки, актуальные только в то время; осталась интрига. Данилов служил на Земле демоном на договоре и обязан был творить Зло. Но стал делать Добро. За что его поставили перед демоническим Политбюро и хотели лишиться сущности, а память вытоптать, но за него вступился тамошний генсек Бык, то ли Белый, то ли Голубой, которому Данилов невзначай почесал спинку, чего никто и никогда не делал. И Данилова наказали условно”⁴.

1972 год, Москва. Тощий бородач Данилов без особого усердия служит в хорошем оркестре, трясется над драгоценным альтом Альбани, ждёт итальянских гастролей, бродит по пивным в Останкино, вечно пролетает мимо химчистки, где томятся его единственные приличные брюки, вяло и безуспешно отбивается от наскоков бывшей жены Клавдии, вписывающей его в очереди и примерки. И лишь когда быт становится совсем нестерпимым, Данилов вспоминает, что он вообще-то демон на договоре – и отправляется купаться в молниях или резвиться в подземельях Анд.

У Орлова Данилов – воплощение „демона наоборот”, то есть он не „падший ангел”, а „вознесшийся демон”, почти серафим. И крыльев у Данилова, как у серафима, восемь: „Крыльев он пошил восемь, два запасных и шесть для полетов, чтобы было как у серафимов. Крылья были замечательные, теперь они валяются где-то в кладовке”⁵.

Из-за своих симпатий к людям „демон на договоре” Данилов, чей договор из ста с лишним пунктов имеет пожизненное задание вредить человечеству, достоин разжалования из демонов в херувимы: „Эдак его могли дисквалифицировать в херувимы! А уж что хуже и позорнее этого! Да и ходить босиком Данилов не любил..”⁶.

В романе выстроена бинарная оппозиция „злой демон” (какодемон) Кармадон и „добрый демон” (агатодемон) Данилов.

Автор упорно протягивает нити к тексту-первоисточнику: аллюзии и реминисценции из лермонтовского „кавказского цикла” – из „Демона” и „Азраила” – создают образы не просто знакомые, но хрестоматийно-знакомые читателю: „Да уж чего проще, – говорил Данилов небрежно, – сны-то им золотые навевать!” – „На шелковые ресницы, что ли?” – „Ну, если желаете, то и на шелковые..”⁷.

В жизнеописании отца „злого демона” Кармадона встречаются умиленные воспоминания о климатическом и лечебном курорте в Осетии: „то ли папаша пролетал там и... любовался кавказскими видами, то ли купался он в теп-

⁴ Валерия Новодворская, *Поэт на договоре*, 25.04.2012 – Медведь. Мужской журнал для чтения//medved-magazine.ru.

⁵ Владимир Орлов, *Альтист Данилов. Роман*. Киев 1988, с. 22.

⁶ Там же, с. 27.

⁷ Там же, с. 27.

лых источниках с игривыми пузырьками, то ли, напротив, имел на фоне вершин приключение с красавицей-горянкой-одним словом, в память о снегах и минеральных водах Осетии он и назвал младенца Кармадоном”⁸. В почти полный пересказ лермонтовского цикла о Кавказе и Демоне лукаво включен снижающий романтический пафос момент – упоминания минеральных вод Осетии, в виде сугубо конкретизированном – „Попросил гость восемь ящиков с бутылками минеральной воды осетинского курорта Кармадон – для стариков”⁹, то есть для демонов-ветеранов как память о приключениях молодости. Итак, как воспоминание о романтических приключениях Демона в горах Кавказа младенца нарекают названием.... источника минеральной воды на знаменитом лечебно-климатическом курорте Осетии. Конечно, именование романтического Демона папашей, упоминание о восьми ящиках с бутылками лечебно-столовой минеральной воды для престарелых демонов-ветеранов выглядит явной пародией и снижением высокого романтизма. Из названного становится ясно, что „высокие” источники литературы прошлого, чьи образы, ситуации, эпизоды воссоздает Орлов в своем романе, не отмечены у писателя „благоговейно-почтительным отношением”¹⁰, каковое встречается у Булгакова в „Мастере и Маргарите”. Тут уж скорее доминирует хозяйски-распорядительное отношение вкупе с насмешливой иронией.

Хотя ситуации, сюжетные ходы, характеристики героев произведения первоисточника, как указывает А.И.Суханова в статье „Две разновидности интертекста в романе В.Орлова „Альтист Данилов”, „подвергаются переосмыслению, изменению функций, ролей, смене контекстов”¹¹.

Между тем для демона на договоре Данилова приближается время Ч, когда он предстанет перед судом в мире Девяти Слоёв, встретится с Большим Синим Быком и отделается, как и было сказано Новодворской, благодаря заступничеству Быка, условным наказанием.

Мифологема Большого Синего Быка объединяет две части композиционной структуры романа („останкинский” – земной и роман Девяти Слоев – „демонический”) в единое пространство художественного текста.

В романе „останкинском” Бык определяет цепь событий фабулы, открывая тему корриды с быком Мигуэлем, найденным в хинных рощах острова Принсипе; историю путешествия отечественного, панкратьевского, быка „с поэтическим именем Васька”¹², впоследствии подаренного известному представителю деловых кругов Канады Андре Ришару, и прочие события и приключения. Теме Быка посвящен музыкальный замысел неистового скрипача Земского „Прогулка гигантского быка”. Водопроводчик Коля рассказывает о синем быке неприличные анекдоты; на ВДНХ продают леденцы „синий бык на палочке”, а коварный

⁸ Владимир Орлов, *Альтист Данилов. Роман*. Киев 1988, с. 91.

⁹ Там же, с. 163

¹⁰ Мирон Петровский, «Писатели из Киева»: Александр Куприн и Михаил Булгаков. в: Мирон Петровский, *ГОРОДУ и МИРУ. Киевские очерки*. Издание второе, переработанное и дополненное.- Киев: Издательский дом А+ С, Издательство «Дух и Литера», 2008, с. 421.

¹¹ А.И.Суханова, *Две разновидности интертекста в романе В.Орлова «Альтист Данилов»*, „Ярославский педагогический вестник” 2001, №2, с. 32.

¹² Владимир Орлов, *Альтист Данилов. Роман*. Киев 1988, с. 22.

владелец фабрики подтяжек, меценат и миллионер, Бурнабито собирается поставить памятник Большому Синему Быку. Даже внутренняя музыка Данилова строится, как он сам признается, по принципу „бустродефона, то есть хода быка по полю - слева направо, справа налево и так далее, и смысл будет равноправный..... бык ходит в этом отрывке по полю с плугом”¹³. Одним словом, Бык объединяет комплекс тем, эпизодов, представлений и зрительных образов.

В геометрии романа „демонического” - романа Девяти Слоев - Большой Синий Бык - главный структурообразующий элемент, ибо на нем все эти девять слоев и держатся. Бык помещен в мире Девяти Слоёв в центре, там, где у Данте находится Люцифер. А между тем доказано, что Бык не символ и не абстракция: словом, бык – живой, моргает и сопит, быку даже спинку можно почесать, что Данилов и сделал. Быку же, по предположению, принадлежит решающий судьбу Данилова голос : „Но тут он услышал тихий, хриплый голос: - Повременить”¹⁴. Данилов потом долго размышляет, кому принадлежал этот хриплый голос из разверзшейся расщелины: „Неужели все? – не мог поверить Данилов. – Неужели „повременить” произнес Большой Бык?”¹⁵

Мифологема традиционно определяется как структура одновременно и статичная, и открытая к трансформациям, являющаяся фактом и источником для образования нового мифа, как „нечто застывшее и нечто мобильное одновременно”¹⁶.

Орлов использует традиционные ипостаси мифологемы быка, выстраивая из них в романе новую мифологему с усложненным семантическим ядром, где Бык предстает одновременно животным (живым существом), личностью, символом, а также знаком политического пространства определенного исторического времени.

Как мифологический символ бык древен, многозначен и целостен. Бык в индоевропейской мифологии являет одну из универсальных мифологем, представляющую зооморфную ипостась Бога Земли. Нижние, хтонические божеества, связаны не только со смертью (земля, в которую погребают), но и с культом плодородия (земля, которая рождает).

Мифологема Быка объединяет в одно целое множество мифологических тем, в том числе ишироко известных, античных, включая Критского Быка, похитившего царевну Европу, историю любовной страсти Пасифаи к быку и историю плода этой страсти – Минотавра.

В индоевропейской мифологии бык – символ мужского начала, плодородия, смерти, богатства. Со времен палеолита весной проводились ритуалы с жертвоприношением быков, поскольку бычья кровь считалась лучшим способом оплодотворения земли. Отсюда эротическая и даже сексуальная насыщенность, как сказано у А.Ф.Лосева, мифов о Критском Быке: „Коричневый, светло-золотистый или ослепительно - белый бык с рогами в виде полумесяца предстает перед

¹³ Владимир Орлов, *Альтист Данилов. Роман*. Киев 1988, с. 22.

¹⁴ Там же, с. 27.

¹⁵ Там же, с. 384.

¹⁶ Кереньи К., Юнг К.Г., *Введение в сущность мифологии*, в: Юнг К.Г. *Душа и миф: шесть архетипов*. Москва 1997, с. 13.

прелестной девой на роскошном лугу. Самое похищение Европы рисуется в эротически насыщенных тонах”¹⁷.

Орлов связывает фабульную линию Быка с похождениями отпускника – „демона со спецзаданием” Кармадона, пожелавшего принять облик Быка: „Вот и Кармадон попробовал быть на Земле синим быком, - подумал Данилов, - для каких-то важных для себя наблюдений и ощущений...”¹⁸.

Однако фабульная линия Быка приключениями Кармадона не исчерпывается. Кармадон в облике Синего Быка – Бык мнимый, псевдо-Бык, пародия на Критского Быка: в сонливом неудачнике Кармадоне отсутствует победительность и сексуальная энергия настоящего Быка. Голливудская суперзвезда Синтия Кьюкомб, всплывшая к быку страстью, как некая новая Пасифая, выходит от быка в разочаровании: „Она сердито обвела взглядом безмолвную толпу и сказала устало, но зло: - Бык импотент!”¹⁹.

Ироничный Орлов, несмотря на любовные неудачи Кармадона в облике (шкуре) Быка, замечает, что „многие сходились на том, что сейчас в Москве, - видимо, в связи с синим быком - ощущается явный подъем мужской силы”²⁰. Получается, будто бы действенен не Кармадон в обличье Быка, ибо он – псевдо-Бык, но настоящий Большой Синий Бык из Девяти Слоев, а может, миф о быке или воспоминания о мифе вызывает некие будоражащие Москву процессы.

Если в „земном” романе тема Синего Быка определяет событийную линию сюжета, где многие происшествия в художественном мире „Альтиста” связаны именно с появлением Синего Быка, то в главах о Девяти Слоях Большой Синий Бык – тема философских рассуждений. Названы „проблема Быка”, „тайна Быка” и „вопрос Быка”: „Но было и в тех гипотезах, узнал Данилов, одно тонкое место. Откуда при Девяти Слоях – Большой Синий Бык? Зачем он? (То есть так прямо вопрос не ставился из боязни рассердить Большого Быка, вдруг сомнения дойдут до него, ведь действительно неизвестно, зачем он и что будет без него.)”²¹.

Мифологема Быка от этого помещенного в скобки дополнения приобретает некий оттенок политического свойства, который позволит многим толкователям романа отнести „Альтиста” к политической сатире, в то и прямо назвать его произведением антисоветским. Вот и Валерия Новодворская в приведенной выше цитате определит Быка Генсеком. Тогда, учитывая время и место написания романа, Бык мог бы обрести имя и фамилию конкретной исторической личности, а роман почти полностью мог бы перейти в плоскость политической сатиры. Но Орлов - писатель не политический, оттого однозначность ему чужда: мы находим многочисленные упоминания о быке как о некой основе, даже первооснове, первосущности и определителе иных сущностей: ведь именно Бык, по предположению, сохранил сущность Данилова.

¹⁷ А.Ф.Лосев, *Критский Зевс*, [в:] А.Ф.Лосев *Античная мифология*. (www.sno.pro/rus.lib.losev2).

¹⁸ Владимир Орлов, *Альтист Данилов*. Роман. Киев, 1988, с. 22

¹⁹ Там же, с. 27.

²⁰ Там же, с. 138.

²¹ Там же, с. 385

Тут начинается дискурс философский или даже когнитивный: упоминает же Кармадон о демонах как о духах познания: „...Я хотел там влезть в шкуру самого Синего Быка, ощутить себя супердемоном, чтобы знать, как двигаться дальше, но что из этого вышло! Каждая стихия – первооснова для чего-то другого, с ней связанного, но иного, непохожего.... Для чего первооснова я?“²².

Таким образом, мифологема Большого Синего Быка в романе Орлова предстает одновременно и статичной, как было определено Юнгом, сохраняя многочисленные характеристики быка как традиционной мифологемы индоевропейской мифологии, и динамичной, обретая черты новые и даже неожиданные.

Семантическое ядро древней мифологемы расширяется новыми контекстами, введенными писателем в романную структуру. Сохраняя традиционные характеристики быка как мифологемы индоевропейской мифологии, автор обогащает и обыгрывает древнюю мифологему, балансируя на многих гранях, используя многие смыслы, избегая определенности выводов. Отчего и история жизни „демона на договоре“ Данилова завершается в финале романа полной неопределенностью его будущего и шаткостью жизни во времени настоящем, где совмещена любовь к музыке с любовью к земной женщине.

²² Там же, с.312